

Письмо
От
Анны

Александр Хомутовский

Александр Алексеевич Хомутовский

Письмо от Анны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70381585

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказ повествует о внутреннем мире молодой поэтессы Серебряного века Анны, которая в своем письме выражает благодарность великому русскому поэту Александру Сергеевичу за вдохновение и влияние на свое творчество. Пятнадцатилетняя Анна описывает свои впечатления от его произведений, откровенно делится своими мыслями и эмоциями, рассказывает о том, как поэзия Пушкина стала для нее источником вдохновения и мудрости. Письмо наполнено искренностью и поэтической нежностью, а также отражает восхищение и уважение Анны к творчеству великого поэта.

Александр Хомутовский

Письмо от Анны

Дорогой мой друг.

Я знаю, что... нет, не могу на «ты», знаю, Вы, стало быть, моих слов никогда не прочтёте, но я не могу быть благодарной молча, поэтому и села писать это письмо.

Той ночью я лежала на пляже, босыми ногами касаясь колышущихся морских волн, а луна с сотнями звёзд лила свой серебряный свет на песок. Поздно... Днём была не самая приятная погода, но это мне не помешало искупаться, встречая спиной бьющие солёные волны. Домой я ещё не возвращалась, обсыхала на солнце, да так и не заметила, как стемнело. Издали слышна игра гитары – у кого-то день рождения, годовщина или какой-то другой праздник. Голоса поющих женщин ирывающихся хохотом мужчин эхом до меня доносятся. А я лежу, без полотенца или другого лоскутка и наслаждаюсь меня окружающим. Боже, отчего все люди не живут здесь, на берегу Стрелецкой бухты? Здесь же так замечательно, так отратно! Лежать и смотреть на звёзды, слышать их отдалённое пение, как они зовут к себе, но я не такая простая, я отвечаю тем же. И та далёкая... нет, не точка, скорее запятая, та сверкающая лучами запятая, и я, девочка на крымском пляже, мы упёрты, но я не обижаюсь. Здесь всё, всё, что нужно для написания каких-нибудь

звучных строк, что после сложатся в стихотворение, моё не первое и, очевидно, не самое лучшее, но памятное для меня самой. О стихах, впрочем, я Вам писать и села.

Я уже на протяжении нескольких лет сочиняю стихи. Первое своё я считаю уже детским, мне отраднo видеть, как с годами я чувствую рифму и ритм всё лучше и чётче. Жаль только, что муза моя – сова. Как только подходит время лечь спать, так она, проказница, негодница, моя любовь, стоит под дверью. Сначала стесняется войти, видно, есть у неё родители, воспитали манерам, но потом бесцеремонно стучится, заходит и трясёт меня за холодные плечи. Но не могу её винить, она жертвует, я уверена, не хочет этого, но жертвует собой, и чтобы оставить память о себе, она будит меня и шепчет прямо в голову мне строки, которые я, подрываясь с кровати, бегу воспроизводить на бумаге. Нужно торопиться, сердца моего не хватает хранить её слова долго, скоро *она исчезает*.

Первые стихи мои даже я сама не могу читать без улыбки: «Экая смышлёная я была, писала такое». Отцу не нравилось, что я пишу, говорил, мол, не срами нашего имени. Да мне имя его и не нужно, я и без него писать могу. Но не решаюсь сейчас, смотря на себя тогдашнюю, не согласившуюся с отцом в одной мысли: есть, куда стремиться. Я начала не только писать, я начала читать.

В Царском селе. В гимназии, разумеется, Ваше имя известно, как и по всей стране. Я решила взять книгу, честно

сказать, случайно; ведь как я могла понять, девочкой, пару лет тому назад, что я прочту и что на меня свалится. Я открыла случайную страницу и начала скользить глазами по словам, проговаривая их с выражением:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Как? Как можно? Вы ещё тогда знали, что посвятили себя нам, русскому народу, не зря. С исторической пронзительностью предугадали (или знали?) своё величие, память о себе, что хранится и будет храниться веками после Вас. Я перелистнула страницу:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

Это дар, другого объяснения я не приемлю. В тот день я забылась и разумом своим, без воли, исследовала мир, который будто заново для меня открылся, Ваш мир, Александр Сергеевич. Я читала до дрёмы, разбудила же меня нянька своим оханьем. «Аннушка, ты не заболела?» – спросила она, прислонив руку к моему детскому лбу. Я промолчала; убрав

книгу под подушку, пошла с нянькой за стол, оказалось, было уже время ужина. Но про себя я думала: «Это правда. Я заболела».

Мне уже пятнадцать. Я писала и о природе, и о любви, и о звёздах. Я стала чаще и смелее использовать метафоры, меня окружают глаголы, как ангелы-хранители летают вокруг меня в томном ожидании, когда же их тени прольются чернилами на ещё одной бумажке, что я храню у себя в столе. Я пребываю в полной уверенности, что и лунная вчерашняя ночь блеснёт в моей памяти, когда я вновь сяду за перо. Но нет сомнений, в верности лире и поэзии я виновна из-за Вас, Вы протоптали некогда тропу, по которой я сейчас легкомысленно брожу, изучая лес литературы, Вы, если не открыли, то как настоящий джентльмен, придерживали открытой дверь искусства. Я надеюсь, дух Ваш не будет возражать, если я, такая наивная девчонка, буду называть Вас своим *учителем*.

Ваши труды не пропали даром, их помнит Россия, их помнят все русские и, как мне кажется, не только русские. Могу сказать за себя, мне так хочется верить, что тогда у Вас была в голове девочка, которую Вы никогда не увидите, но про которую думали и писали. Может, ею я и оказалась? Может, Вы писали мне?..

Не прощаюсь, точно знаю: мы ещё увидимся, если не глазами и голосом, то душами...

Ваша ученица,

Анна А.
1904